

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е61

Еналь, Варвара.

Е61 Птица и охотник : [роман] / Варвара Еналь. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-117369-2

Девушку-рабыню Нок, предназначенную для продажи в храм богини любви Набары, покупает странный господин, от одного взгляда которого стынет кровь в жилах. Будущее, ранее казавшееся таким простым и понятным, больше не принадлежит Нок. Теперь она должна вместе с хозяином покинуть приморский городок, в котором выросла, и отправиться в путешествие по опасным землям и заброшенным городам. От кого они скрываются, что преследуют — все это остается для нее загадкой. Но, быть может, именно в этом удивительном странствии Нок найдет ответы на самые главные вопросы — кто она и кем ей суждено стать.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117369-2

© Варвара Еналь, текст, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019
В оформлении использованы материалы,
предоставленные фотобанком Shutterstock Inc.

#1. НОК

Холодная вода брызнула на пальцы ног Нок. Полное ведро слегка качнулось на краю колодца, но девушка уверенно взялась за гладкую железную ручку и опустила тяжелую ношу вниз.

Едва рассвело, и солнце все еще путалось в нижних ветвях шелковицы. Той самой, на которой обычно сидел Еж, собирая ягоды на компот для мамы Мабусы. Нок и сама столько раз забиралась на удобные развилки дерева, чтобы полакомиться спелыми плодами.

Совсем скоро она окажется далеко отсюда и не сможет больше видеть это дерево. Еж, конечно, будет приходить к шелковице и может даже приведет туда Травку. Но Нок на постоянный двор мамы Мабусы не вернется. Настало новое время для нее. Шестнадцать лет... в этом возрасте девочек покупают в храм Набары — богини любви. Именно для этого растила ее мама Мабуса.

Нок исполнилось шестнадцать лет два двойных полнолуния назад. И жрец Дим-Хаар из храма духов Днагао торжественно нанес новую татуировку на ее плечо. Маленький красный цветок с желтой серединой. Шесть таких цветков длинным рядом поднимались по плечу левой руки. Это означало, что Нок — девственница, что никто еще не просил и не получал

ее любви. Свою невинность девушка подарит богине Набаре в ночь полнолуния Маниес на праздник Золотых колокольчиков. Уже совсем скоро.

А пока... Пока нечего прохладиться и любоваться лучами взошедшего солнца. Впереди еще много работы, день только начался, и мама Мабуса не похвалит Нок за то, что та слишком долго отмывала главный зал постоянного двора. За дело!

Ведро весело скрипнуло, когда девушка одним взмахом разлила воду на деревянный пол. Прозрачные струи побежали по темным доскам, унося с собой грязь и мусор. Вчера здесь было шумно илюдно. Как, впрочем, и каждый вечер.

По широким каменным ступенькам крыльца поднялся Еж — десятилетний лохматый мальчик, худой и смуглый. В руках он нес две большие щетки с длинными деревянными ручками.

— Да будут духи милостивы к тебе, Нок, — бесстрастно сказал он, — сделаем дело и смотаемся к морю. Ужасно хочется искупаться. Видать по всему, день будет жаркий.

— Кажется, да. Солнце побелело, еще даже не поднявшись над шелковицей. Мама Мабуса встала? Или еще спит? Не видел?

— Она уехала. Сегодня же караван приходит, а она непременно желает присмотреть себе новую Нок.

Нок — это прозвище для красивых девочек, которых покупают у синевородых торговцев, что приходят со стороны Одиноких королевств. Таких девочек растят специально для храмов богини любви. После десяти лет их проверяют жрицы и разрешают нанести первую татуировку — цветок девственности. Каждый год по цветку. Шесть цветков до шестнадцати лет.

И если по достижении этого возраста юная Нок оказывается годной, здоровой и красивой, ее за большие деньги покупают в храме Набары. Это хорошее будущее, гораздо лучше, чем всю жизнь работать на плантациях или чистить рыбу на рынках.

При мысли о рыбе Нок передернуло. Она откинула на спину длинные черные косы и схватилась за щетку. Серебряные и медные колокольчики на ее тонких ножных браслетах тихонько звенели в такт шагов. Влажные доски под босыми ногами ворчливо скрипели. Где-то вдали, над пляжем, разносились крики чаек, ссорящихся, как всегда, из-за рыбы.

Еж вытирал столы и поднимал на них деревянные табуретки. Ежа мама Мабусы тоже купила в одном из караванов. Ей нужен был помощник, а лучше всего тот, которого вырастишь сама. Так считала мама Мабусы.

— Всему надо учить лично, чтобы потом не переживать, если придется послать помощника за товаром на рынок. Я вот точно знаю, что Ежик наш не упьется рисовой стылой и мне не придется искать его под столами, — любила приговаривать она и широко улыбалась при этом.

Постоялый двор мамы Мабусы назывался «Корабль». Просто и понятно. Каждый вечер сюда приходили удачливые капитаны и рыбаки, имеющие не одну лодку и могущие позволить себе стаканчик-другой стылой или пару кружек ячменного пива.

Считалось, что деревянный корабль — маленькая статуэтка у входа на постоялый двор — приносит удачу. Потому каждый входивший норовил прикоснуться к вытянутому бушприту, провести рукой по нему и бросить медную монету на борт корабля. Монету на удачу... Каждый знает, как нужна удача моряку, отправлявшемуся в путь.

А «Корабль» — да хранят его духи Днагао — мог приносить такую удачу.

— Ладно, будет время — искупаемся, — сказала Нок. — И Травку с собой возьмем. Сегодня отходит «Бриз», не забыл? Я бы посмотрела на это. Говорят, он отправляется к диким берегам Королевских островов за слоновыми бивнями.

— Говорят? Он на самом деле туда отправляется! — воскликнул, чуть усмехнувшись, Еж. — Я вчера приносил кружки с пивом его капитану и все слышал. Большие деньги, должно быть, заработают. По слухам, он продает разные штучки из слоновых бивней даже в Меисхуттур.

— Кто же там их покупает? В Меисхуттуре живут только баймы, а они — как свиньи, и только могут, что убивать, — хмыкнула Нок и решительно задвигала щеткой под столами.

— Это не наше дело. Кто бы там что не покупал. Лишь бы удача всегда была на стороне торговцев и рыцари Ордена Всех Знающих не добрались до наших мест.

— Да хранят нас духи от этого, — отозвалась Нок.

Тяжело ступая по каменным ступеням, в зал поднялась полная темноглазая женщина с коралловым ожерельем на груди. Лицо ее лоснилось от пота, убранные в толстую косу черные волосы, переплетенные бисером и серебряными лентами, доставали до пояса.

— Что, бездельники, языками треплете? — добродушно спросила она.

Голос мамы Мабусы, низкий, но гулкий, казалось, заполнил зал. Нок встрепелась, сложила ладони вместе и наклонила голову вперед. Девочки всегда склоняют голову перед теми, кто их покупает.

— Смотрите, кого я привела. Теперь у нас будет новая Нок. Ты понял, Еж? Тебе придется учить ее хозяйству. Работа простаивать не должна, девочки и мальчики. Работа никогда не должна простаивать.

Из-за спины мамы Мабусы выглянуло невысокое, худенькое создание. Темноволосая глазастая девочка лет десяти, босоногая, в холщовой грязной робе. Щиколотки покрывала засохшая грязь, щеки — пыль и разводы от слез. Запястья такие худые, что, кажется, не выдержат ни одного браслета.

— Да-да, — снова заговорила мама Мабуса, — худющая и страшная, но не спрашивайте, почему я ее купила. Удивительно, как эту девчушку не отобрали рыцари Ордена. Видать, глупой им показалась. Обычно они отбирают самых страшеньких. Мол, негоже людям гордиться своей красотой, гордость — это страшный грех. А я вам так скажу, дети. И ты слушай, малявка. — Мабуса легонько щелкнула по голове только что купленную девочку. — Девушке только и гордиться, что своей красотой. Чем же еще ей гордиться? Если девушка страшна, как красная лихорадка — не про нас сие сказано, — это проклятие духов. Поверьте мне. Видать, прокляли девушку или родители, или недруги родителей. И надо идти к жрице либо к старой ведунье — вот как наша Хамуса, — чтобы снять проклятие. Мужчина гордится своей силой, своей мощью и своим умом, возможностью принести добычу в дом и умением провести свой корабль к пристани. А женщина хороша своей красотой. И еще умением давать любовь мужчине. А как брать любовь у той, которой и в глаза-то посмотреть страшно? Разве что выпить больше стылой... и место такой девушке на рыбных рядах, где вонять от нее будет рыбьими потрохами и кровью. Помяните мое слово, дети.

Мама Мабуса любила поучать. Голос ее гремел под деревянными балками зала, точно водопад на Песчаной косе. Новенькая девочка жалась к стене и дрожала. Еж проворно ворочал стулья, а Нок, не оглядываясь, работала щеткой. Когда мама Мабуса говорит, их дело слушать и не отвлекаться, а то можно заработать щелчок по голове. Дело всегда должно делаться...

2. НОК

У мамы Мабусы все было большим. Глаза, губы, грудь. Широкие плечи и крупные ладони. Она была крупной женщиной, и от звука ее низкого зычного голоса брехливые дворовые собаки разбегались, а ленивые голуби срывались с крыши Корабельного двора (так еще называли таверну «Корабль»).

Даже блестящие коралловые бусины в ожерелье мамы Мабусы отличались значительным размером. Блеск этих кораллов казался Нок похожим на блеск опускающегося в воду солнца. Когда женщина говорила, девушка смотрела только на бусины. Выше поднять глаза не осмеливалась.

— Поведешь новенькую девочку на Песчаную косу да искупаешь ее как следует. Волосы ей отмоешь, ноги, — наставляла мама Мабуса Нок, пока та заканчивала уборку зала, — но сначала в храм духов Днагао. Козленка в жертву я сама принесу на полную Аниес. А ты возьми кружку пшеничных зерен и еще веночек сплети. Мальва, наверняка, уже вовсю цветет. Скажешь Дим-Хаару, что это наша новенькая Нок. Пусть он насыпет на алтарь зерен в честь нее и призовет духов. И пусть проведет белой глиной по ее лбу, чтобы показать, что она — моя Нок.

Девушка кивнула. Сложила ладони вместе и склонила голову:

— Хорошо, мама Мабуса. Все сделаю.

— Вот и пошевеливайся. Только пусть сначала Еж наносит хвороста, чтобы повар не ругался, как вчера, что печь ему топить нечем. Помогите мальчишке обе, нечего тут глаза таращить.

Нок кивнула и тут же кинулась за хворостом. Уже сбегая по выщербленным ступеням запасного выхода, ведущего в огороженный деревянным плетнем двор, она услышала, как мама Мабуса строго велела новенькой:

— Ступай следом. Руки-ноги есть, знать хворост должна уметь таскать. Топай, топай. После старшая Нок даст тебе холодных лепешек и сухих вишен. Натрескаешься еще, успеешь. Есть вы все горазды, и куда только лезет в вас...

Большие вязанки хвороста вовсе не были тяжелыми. Неудобными — это да. Но таскать их — не работа. Так, беготня. Повар — лысый, щекастый Тинки-Мэ уже стоял на низеньком крыльце кухни, тоже выходявшем во внутренний двор, и лениво почесывал большой живот.

Круглая печь с черным зевом, обращенным к яркому лазурному небу, жаждала начать новый день. Совсем скоро Тинки-Мэ бросит на ее внутренние бока круглые ровные лепешки, и аромат свежего хлеба наполнит двор.

Но они — Нок, Еж и новенькая девочка — подкрепятся холодными вчерашними лепешками. Им некогда ждать, когда повар протопит печь и замесит тесто. Пока жара не накалила улицы города, а песок на косе не стал обжигающе горячим, надо торопиться. Чтобы успеть к полудню — в полдень общая молитва

за процветание, и все домашние рабы обязаны быть на ней.

Нок заскочила в круглую деревянную хижину с соломенной крышей, достала из-под застеленной цветастым покрывалом кровати сандалии с деревянной подошвой и нанизанными на кожаные ремешки крашеными деревянными бусинами.

Травка, видимо, только что проснулась. Она терла глаза и пыталась убрать со лба спутанные волосы. Ей едва сравнялось пять лет, но росточком девочка явно не вышла и выглядела значительно младше.

— Кто это? Еще одна Нок? — с опаской спросила за спиной новенькая.

Голос у нее оказался звонким и нежным. Наверняка умеет хорошо петь — мама Мабуса такие вещи сразу распознает. Девочка с хорошим голосом и слухом в храме Набары будет пользоваться особенным успехом. А потому и продать ее можно за большие деньги.

— Нет, это Травка. Она все время молчит.

Утренние лучи проникли через дверной проем в сумрачную хижину и упали на лицо пятилетнего ребенка. Суровое, неприятное лицо. Почти черные глаза, твердо сжатые тонкие губы и нервно подрагивающий небольшой нос с узкими ноздрями. В ноздре блеснуло медное колечко — знак принадлежности к храму духов Днагао.

Травка принадлежала храму. Всегда. Была рождена там, посвящена с младенчества. Но растить ее выпало Нок. Так легли пророческие кости в руках Главного жреца. И вот уже два года Травка жила в маленькой хижине. Она была молчаливой, медлительной и странной. Странной до леденящего душу ужаса. Она то начинала хрипло кричать ночами и биться об

пол, то смотрела вот так, серьезно и пронзительно, будто не глаза у нее, а черный камень, из которого сделан жертвенник в храме духов Днагао. Холодный, непроницаемый камень.

Травка не говорила. Вообще. Ни одного слова. Кричать — да, кричала, когда хватала ее падучая. Билась головой об пол. И помогало тогда только одно — прижать ее изо всех сил к полу, руки, ноги, и шептать на ухо древнее заклинание, которому научила Нок ведунья Хамуса.

Мама Мабуса ругала Травку и называла проклятой девкой.

— Чего это жрецы удумали? И что за напасть такая? А если она больна и передаст нам заразу? — ворчала она. Но выгнать Травку не решалась. Кто же осмелится послушаться жрецов? Воля жрецов — это воля духов.

Нок сунула Травке в руки кусок лепешки и кинула на колени малышки деревянные бусы. Это займет ее надолго. Травка любит гладкие бусины, перебирает их в сумраке хижины. И медленно поедает лепешку. Ест она совсем мало, потому ручки и ножки у нее тонкие, точно палочки. Зато глазищи на пол-лица. Глянет — и сердце стынет.

— Вот теперь пойдем, — сказала Нок и перевязала концы своих кос тонким зеленым шнурком с бусинами. Браслеты на ее руках при этом тихонько звенели.

— Зачем тебе столько браслетов? — спросила новенькая девочка, когда они бодро шагали по тенистой улице, гладким темными камням мостовой, поднимаясь на городской холм.

— Ты ничего не знаешь о браслетах? — удивился Еж. — Ты же из Верхнего королевства. Там тоже

стоят храмы духов Днагао. А в них должны святить браслеты-обереги. Чтобы духи не убили тебя и злые люди не сглазили. Браслеты есть у всех, и у меня тоже. — Мальчик вытянул руку вперед и показал кожаные ремешки, украшенные медными позеленевшими бляхами.

— У меня был амулет, — тихо ответила новенькая.

Она провела рукой по груди, точно желая убедить себя, что амулет все еще там, и добавила:

— Рыцари Ордена сняли его с меня. Сказали, что все мы мерзкие идолопоклонники. Сестра моя осталась у них и два брата.

— Сколько дождей было сестре? — спросила Нок.

— Восемь. Она младше меня. Нас у отца десятеро. Шесть девочек и четверо мальчиков. Отец задолжал магу нашего удела, вот он и продал нас рыцарям. У него еще остались старшие мальчики, которые обрабатывают поле и охотятся.

— Так всегда делают. Хвала духам, что тебя не оставили у рыцарей. Иначе выбрили бы тебе все волосы, одели бы в длинную темную юбку и заставили бы всю жизнь работать на чужих людей. И ты бы никогда не узнала, что значит отдавать свою любовь мужчинам. Потому что для рыцарей это страшная мерзость, как и наши храмы.

— Говорят, что у них в храмах Всех Знающих холодно и страшно, — осторожно заметил Еж.

— Там не страшно, — ответила новенькая, — но холодно. И много работы. Я видела, как люди трудятся на полях.

— Ну, работы много и тут. Вот попала бы ты к торговцу рыбой, так узнала бы, что по чем. Целый день чистить рыбу — это тебе не хворост повару таскать, — пояснила Нок.

— А куда мы сейчас идем?

— В храм духов Днагао, как мама Мабуса велела.

— Вы хорошо знаете дорогу туда?

— Как говорит жрец Дим-Хаар, тут все дороги ведут в храм, потому ты никогда не заблудишься. Просто поднимайся вверх по любой улице и непременно придешь.

Узкая улочка с теснившимися друг возле друга домиками из разноцветного глиняного кирпича внезапно повернула вправо и оборвалась. Перед детьми открылась просторная площадь, залитая ослепительными лучами солнца. Ларьки, лавки, палатки и многочисленные подводы с лошадьми заполняли ее так плотно, что рыжая, не мощеная земля, утоптанная копытами лошадей и ногами людей, едва проглядывала. Кричали женщины, нагло торгуясь и возмущаясь, зазывали нахваливали товар, толстые купцы оглядывали людей, невозмутимо щурясь и высоко задирая синие бороды.

Нок знала, что купцы красят бороды семенами вохи — дикой степной травы. Это знак принадлежности к Торговой гильдии, что давало возможность торговать не только в Одиноких королевствах и на землях Свободных Побережий, но и гораздо дальше, до самой Благословенной Земли Суэмы.

Нок тихо пояснила новенькой:

— Это рынок, сюда тебя будет посылать мама Мабуса. Еж покажет тебе все, что ты должна покупать и где. Основное закупает повар Тинки-Мэ, но зелень, лук, чеснок и приправы иногда придется покупать и тебе. А еще сметану у Носи — у нее лучшая сметана на рынке, и она обязательно оставляет кувшин для мамы Мабусы.

Людей здесь всегда была пропасть. И загорелые до черноты моряки с большими круглыми сережками